

ДАРЬЯ ВАШИЧКОВА*

“Коли вовчиця має дев’ять, то дев’ять рись...” (Многозначные и омонимичные названия хищников в южнокарпатских говорах)¹

VAŠÍČKOVÁ, D.: “If a she-wolf has got a novenary, then the ninth one is lynx...” (Multivalent and Homonymous Names of Predators in Southern Carpathian Dialects). *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 1, pp. 71-79 (Bratislava).

The article is devoted to the study of that part of the vocabulary of Southern Carpathian dialects which belongs to the semantic field “predator”. The objects of our research interest are polysemous and homonymous dialect nouns referring to the predators according to the modern scientific taxonomy. Those nouns could also be common for the dominant literary languages of the region – or could be purely local dialect words; both are considered in the article as well. The study is based on the modern principles of classification and description of dialect multivalent nouns in the Slavonic languages. The article discusses the method of constructing semantic structures of multivalent words, their variability in the Carpathian dialect material and the frequency of certain types of structures for the semantic field “predator”. A significant part of the article is devoted to the methods of lexicography of the Southern Carpathian dialect data of the latest decades.

Southern Carpathian dialects, lexical semantics, zoonym, polysemy, homonymy, dialect lexicography, semantic structure.

В ходе работы над лексическими материалами южнокарпатских говоров, собранными в разных источниках в течение последнего столетия, было замечено, что значительное количество лексем в этих материалах записано в разных значениях; подчас классификация этих значений и их подробное описание не были проведены.

Материалом для анализа, описанного в статье, послужили лексические единицы южнокарпатских говоров, относящиеся к именам существительным нарицательным, обладающие лексической мотивированностью и имеющие одним из значений объект или явление, относящееся к семантическому полю «хищники». Всего в круг исследования были включены шесть лексем. Записи иллюстративного лексического материала приводятся в фонетической транскрипции, указанной в источниках.

Главным источником материала послужила оцифрованная картотека «Лексической базы данных южнокарпатских говоров по материалам И. А. Панькевича»² (далее – LDP), в которую вошли данные русинских говоров на территории Словакии и Закарпатья. Материал картотеки сравнивались с данными, включенными в «Общеславянский лингви-

* Дарья Александровна Вашичкова (Darja Vašíčková), vědecká pracovnice Slovanského ústavu AV ČR, v.v.i.: Praha, Valentinská 91/1, 110 00 Praha 1; email: darja.vasickova@slu.cas.cz.

¹ Статья была написана в рамках гранта Грантового агентства Чешской республики (GA ČR) “Nářeční kontakty na západoslovansko-východoslovanském pomezí” (25-17089S).

² Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2023.

стический атлас»,³ «Общекарпатский диалектологический атлас»,⁴ «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР» И. А. Дзензелевского,⁵ «Атлас українських говорів Східної Словаччини» В. Латты,⁶ «Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини» З. Ганудель,⁷ словари говорів отдельных сёл С. Н. Николаева и М. Н. Толстой⁸ и И. Сабадоша,⁹ а также статью М. Вашичка по тематике южнокарпатских говорів.¹⁰

Исследователь русской диалектной лексики академик С. А. Мызников согласен с тем, что в современных условиях при описании говорів необходимо привлекать письменные источники: «Получение новых качественных диалектных лексических данных в ходе полевых сборов вызывает сейчас большие затруднения и заставляет интенсивнее использовать диалектные словари и рукописные источники. Априори включая те или иные словарные лексические данные как дополнительные сведения для анализа, мы не подвергаем сомнению их научную достоверность».¹¹

Необходимость обработки диалектных лексических материалов с точки зрения наличия внутренних смысловых связей между отдельными фиксациями слов, то есть анализа на предмет полисемии или омонимии, обусловлена несколькими задачами. Одна из них – прикладная, состоящая в описании и классификации слов в словаре. Для создания словарной статьи необходимо произвести этимологический, сравнительный и лингвогеографический анализ лексем, обладающих двумя и более значениями.

На сегодняшний день в лингвистике еще нет консенсуса о делении лексем на омонимы и полисеманты даже применительно к словарям литературных языков с описанными значениями, контекстами употребления, существующими языковыми корпусами и множеством живых носителей. Тем более сложной представляется задача выработки теоретической базы для описания лексической семантики диалектных систем в условиях ограниченных данных о контекстном употреблении, лакун между отдельными говорами и уходящего поколения информантов. Однако некоторые положения, применимые к литературным языкам, могут быть использованы и в отношении диалектов.

Нам представляется, что лексическая многозначность – естественное свойство живого языка, будь то доминирующий литературный язык или говор. Обработка информации о внешнем мире коллективным языковым сознанием, поименование реалий жизни неиз-

³ Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. Москва: Наука, 1988. 188 с.

⁴ Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје: Международная редакционная коллегия ОКДА; Совет академий наук и искусств СФРЮ; Межакадемический комитет по диалектологическим атласам; Македонская академия наук и искусств, 1987.

⁵ Дзензелевський, Й. О.: Лінгвістичний атлас українських говорів Закарпатської області України. В 3 тт. Ужгород: Ужгородський державний університет, 1958–1983.

⁶ Латта, В.: Атлас українських говорів Східної Словаччини. Братіслава – Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво – Відділ української літератури, 1991.

⁷ Hanudělová, Z.: Lingvistický atlas ukrajinských nářečí východného Slovenska. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo v Bratislave – Zväz Rusínov-Ukrajincov Slovenskej republiky, 1981–2010.

⁸ Николаев, С. Л. – Толстая, М. Н.: Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. Москва: Институт славяноведения РАН, 2001. 232 с.

⁹ Сабадош, І. В.: Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород: Поліграфцентр Ліра, 2008. 480 с.

¹⁰ Vašíček, M.: Názvy částí vozu a koňského zápřahu v nářečích Rusínů východního Slovenska. In Žeňuchová, K. (ed.): Etnolingvistický výskum na Slovensku. Súčasný stav a perspektivy. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2020, s. 97–114.

¹¹ Мызников, С. А.: Верификация данных в диалектных лексикографических источниках. In: Вестник Омского университета, 2010, № 1, с. 75–78.

бежно ведет носителя языка к употреблению метафор, что является основным методом создания многозначного слова. Исследовательница проблем лексикографии А. И. Ольховская пишет: "...когнитивное рассмотрение многозначности базируется прежде всего на признании полисемии необходимым и естественным мыслительным механизмом постижения доселе неизвестных сущностей окружающего мира и рациональным способом упаковки представлений о них. В таком плане полисемия выступает как одно из проявлений отражательно-обобщающей способности языка."¹² Этого положения придерживается современная когнитивная лингвистика, и ее последователи приходят к заключению о том, что в условиях естественного образования новых значений слова и, что особенно важно, новых связей между этими значениями, это образование происходит неоднородно и неодинаково у разных полисемантов. Теория первичного и вторичного (или вторичных) значений устарела и не отражает реальность, что в своем ключе доказывается этимологическими исследованиями языков: на каждом этапе эволюции слова возникали отдельные его значения, часто сохранявшиеся в языке. Особенно это характерно для исследований по диалектной этимологии и исторической диалектной лексикографии.

Многие современные лексикографы сопротивляются однозначному противопоставлению омонимов и полисемантов как двух замкнутых классов, обращая внимание на то, что семантический распад слова – живой процесс, а научная интуиция и применение разных методов выявления омонимии могут привести к разным результатам. Так, Д. В. Качурин утверждает, что "многозначность и омонимия, существуя в языке в качестве двух отличных друг от друга явлений, (если взять наиболее типичные, "классические" примеры каждого из них), на самом деле представляют собой не два замкнутых класса, а скорее полюсы некоей шкалы, между которыми существует масса переходных случаев, составляющих обозначенный континуум".¹³ Нами применялись следующие методы определения омонимии: историко-этимологический (генетический), контекстный и лингвогеографический.

Особенность карпатского диалектного материала состоит в том, что подчас исследователь может отнести разные значения полисеманта к незначительным оттенкам одного и того же значения. Однако различия между реалиями, отраженные в слове, имеют онтологическое значение для носителей диалектов, так как являются наиболее полным языковым соответствием явления традиционной культуры. Подробная фиксация оттенков значений является важнейшей задачей лексикографа.

Особенно важен в работе над выявлением омонимии становится контекст употребления слова в говоре. В качестве контекста нами использовались как отрывки диалектной речи, так и подробное толкование того или иного слова его носителями (как в случае LDP),¹⁴ так и лингвистами (как в случае диалектных атласов и словарей). О необходимости контекстного анализа лексической семантики писал Э. Бенвенист: "... когда значение выявляют в разнообразии употреблений, то возникает настоятельная потребность убедиться, что случаи употребления позволяют не только сближать значения, кажущиеся различными, но и мотивировать различия. В реконструкции какого-либо семантического процесса должны учитываться и такие факторы, которые вызывают появление нового "вида" значения. Если этого не делается, перспектива оказывается искаженной субъективными оценками".¹⁵

¹² Ольховская, А. И.: Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии. Москва: Флинта, 2015, с. 38.

¹³ Качурин, Д. В.: Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей. Канд. дисс. Москва: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, 2013, с. 89.

¹⁴ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

¹⁵ Бенвенист, Э.: Общая лингвистика. Москва: Прогресс, 1974, с. 337.

Пожалуй, первой всеобъемлющей работой по созданию теории описания многозначных диалектных слов на славянском языковом материале стала диссертация Т. Е. Лебедевой “Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных”, использовавшей в качестве объекта исследования субстантивы из “Словаря русских народных говоров”, а также из диалектных терминологических словарей. Лебедева описывает и систематизирует универсальные признаки, лежащие в основе связей между отдельными значениями многозначного слова¹⁶ и выделяет семантические структуры, в соответствии с которыми развиваются и прирастают значения живых диалектных слов. Она выделяет пять семантических структур, образуемых отдельными значениями диалектных полисемантов: с доминантным структурообразующим признаком, с несколькими интегральными признаками, формирующиеся из нескольких групп значений, цепочечные и смешанного типа. Эта же классификация была применена и к диалектному материалу в данной статье.

В статье среди омонимов выделяются гомогенные и гетерогенные. Под гетерогенными омонимами мы понимаем совпадающие по звучанию слова разного происхождения; для их установления применялись лингвогеографический и этимологический анализ. Понятие гомогенной омонимии для нас означает слова, произошедшие от одной основы, но утратившие связь между значениями. Для выявления диалектных гомогенных омонимов мы можем полагаться только на семантический метод, который является относительно ненадежным, учитывая современную научную дискуссию о критериях разграничения полисемии и омонимии.

Далее рассмотрим некоторые случаи полисемии и омонимии в южнокарпатских говорах, когда одним из лексических значений является название хищного животного.

Бай

В LDP¹⁷ лексема *бай* записана в значениях ‘волк’ (дет.) (Svetlice), ‘заговор, заклинание’; ‘беда’ (Кваси), ср.: “проків них (відьом) обороняються баєм” (Кваси), ‘чары, чародейство’ (Пузняківці), ‘беда’ (Пасіка).¹⁸ В словацких говорах слово фиксируется редко в контексте разговора о какой-либо неприятности.¹⁹ Например, словацкий лингвист С. Цамбель приводит его в таком контексте: „Pital še kmotrovi, či ňemaľi dajaki baj?“²⁰ с пояснением, что слово распространено влоль словацко-венгерской границы, происходит от венгерского *baj* и используется в том же контексте, что и слово *žľe*: „Jak budze na tebe žľe“.²¹ Так как слово *бай* в южнокарпатских говорах используется в качестве именованного волка только в разговоре с детьми, в детской речи, можно предположить, что оно упоминается в качестве устрашения. *Баєм* пугали непослушных детей, и волк становился персонифицированным злом, угрозой; волк – это тот, кто приносит с собой беду, несчастье. В своем обширном исследовании фольклора и верований славян Н. И. Толстой писал: “...определяющим в символике волка является признак “чужой”.”²² Кроме того, волк – животное, на упоминание

¹⁶ Лебедева, Т. Е.: Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных). Канд. дисс. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2002, с. 25.

¹⁷ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, c. d.

¹⁸ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, c. d.

¹⁹ Slovník slovenských nářečí. I. A – K. Bratislava: VEDA, 1994, s. 87.

²⁰ Czambel, S.: Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčianský Sv. Martin: Nákladom vlastným, 1906, s. 335.

²¹ Czambel, S.: Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, c. d., s. 482.

²² Толстой, Н. И. (ред.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 тт. Т. I. Москва: Международные отношения, 1995, с. 411.

которого в традиционных культурах повсеместно существовали запреты; таким образом возникло множество эвфемизмов для его обозначения. Н. И. Толстой пишет, что “запреты упоминать волка относятся чаще всего к вечеру или к ночи... Считается, что упоминание волка накликает его”.²³ В свете этих исследований можно предположить, что южнокарпатское *бай* как номинация волка восходит к венгерскому *baj* ‘беда, неприятность’;²⁴ ту же этимологию имеет и *бай* в значении ‘беда’. (Ср.: «Якийсь бай стався, бо не вернувся ще з ліса.» (Пасіка), LBP).²⁵ В то же время южнокарпатский диалектный субстантив *бай* в значении ‘заговор, заклинание, чары’ происходит от венгерского *báj* ‘обаяние, очарование’,²⁶ ‘kúzlo’.²⁷ Если сопоставить все значения субстантива *бай* и их происхождение, то окажется, что перед нами омоним *бай*₁ ‘заговор, чары, чародейство’ и *бай*₂ со значениями ‘беда’ и ‘волк’, представляющий собой полисемант с семантической структурой с доминантным структурообразующим причинно-следственным признаком “беда”.

Вовк

В южнокарпатских говорах отмечаются следующие значения этого слова: 1. ‘волк’²⁸ (Brusnica, Údol, Svetlice, Zbojné, Булки, Великі Ком’яти) (LDP),²⁹ Торунь, Сокирниця; 2. ‘стальник козлиный’ (*Ononis hircina* L.) (Ясіня) (ср.: “Вовки – як сухі, то беруть на постелѣня пѣдь маржину.”) (LDP);³⁰ 3. -ы (Pl.tantum) ‘недозревшие пожелтевшие сливы’ (Новоселиця, Тяч. р-н) (LDP³¹); 4. ‘пузырчатая головня кукурузы’ (*Mycosarcoma maydis* L.) (Стара Стужиця, В. Березний, Завосина, Княгинин, Стричава, Домашин, Кострина, Забродь, Мочар, Розтоцька Пастіль, Черногорова, Мирча (наравне с наименованием *головня*), (Смерекова, Буківцева).³² В соседних бойковских говорах этот субстантив помимо названия хищника используется в значениях ‘гілка ялини, що росте вниз або збивається вкупу’, ‘приріст, неродючі гілки на фруктових деревах’.³³ Почему же в макросистеме южнокарпатских говоров *вовк* означает непригодные в пищу плоды или растения, пораженные каким-либо заболеванием? И. В. Бродский, исследуя мотивационные основы фитонимов, пишет, что “названия всех хищных животных, употребляемые в качестве атрибута сложного названия гриба или ягоды в прибалтийско-финских языках, указывают на их несъедобность или ядовитость”.³⁴ Подобная мотивация могла возникнуть и для названий стальника козлиного и незрелых слив, непригодных в пищу, в славянских диалектах в Карпатах. Что касается стальника, то он, будучи съедобным растением для домашнего скота, во время цветения начинает выделять неприятный по запаху сок и перестает восприниматься животными как съедобное растение. Очевидно, это его свойство было заме-

²³ Толстой, Н. И. (ред.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь, т. I, с. d., с. 412.

²⁴ Гальди, Л. (ред.): Венгерско-русский словарь. Москва, Будапешт: Русский язык – Издательство Академии наук Венгрии, 1987, с. 61.

²⁵ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

²⁶ Гальди, Л. (ред.): Венгерско-русский словарь, с. d., с. 61.

²⁷ Chrenková, E. – Tankó, L.: Maďarsko-slovenský slovník. 2. vydanie. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1979. 992 s.

²⁸ Николаев, С. Л. – Толстая, М. Н.: Словарь карпатоукраинского торуньского говора, с. d., с. 204; Сабадош, I. В.: Словник закарпатської говірки села Сокирниця, с. d., с. 39.

²⁹ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

³⁰ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

³¹ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

³² Дзендзелівський, Й. О.: Лінгвістичний атлас українських говорів, т. II, с. d., к. 202.

³³ Онишкевич, М. Й.: Словник бойківських говірок. В 2 тт. Київ: Наукова думка, 1984. Т.1, 496 с.

³⁴ Бродский, И. В.: Названия растений в финно-угорских языках. Санкт-Петербург: Наука, 2007, с. 103.

чено народами, традиционно занимавшимися пастушеством и разбиравшимися в травах, пригодных для скота. Как указывает В. А. Меркулова, “среди животных отрицательная оценка концентрируется именно на фигуре волка. Поэтому все без исключения ядовитые растения носят названия волчьих”.³⁵ Ответ же на мотивацию названия *вовк* для пузырчатой головни кукурузы находим у Н. И. Толстого, который указывал на тот распространенный в славянском ареале факт, что “волком называют различные инородные тела – нарост на дереве (гуцул.), черную сердцевину в нем (бел.)”.³⁶ Кроме того, название этого заболевания, вызванного грибом-паразитом, может быть вызвано его внешним видом – серым шерстистым наростом на початке кукурузы. Таким образом, к данному полисеманту возможен двойной подход. Если мы примем гипотезу, что название пузырчатой головни кукурузы вызвано мотивацией как чего-то несъедобного, ядовитого, то *вовк* – это полисемант с доминирующим структурообразующим коннотативным признаком. Если же мотивация названия заболевания кукурузы вызвана внешним сходством со шкурой волка, то *вовк* — полисемант с двумя интегральными признаками, коннотативным и качественным.

Ласиця

В LDP³⁷ существительное *ласиця* записано в следующих значениях: 1. ‘ласка’ (*Mustela vulgaris*) (Ужанщина, Луг, Веряця, Чинадійово), 2. ‘часть воза’ (Скотарське, В. Ворота). В атласе Дзендзелевского лексема записана в значении ‘белка’ (*Sciurus vulgaris*)³⁸ в пунктах Дулово, Угля, в деминутивном варианте *ласичка* – в пунктах Пастільки, Сімерки, Тур’ї Ремети, Лумшори. В «Общеславянском лингвистическом атласе» *ласиця* зафиксирована в пунктах Баранинці, Поляна, Довге, Дубове, Затисівка, Буштина, Богдан в единственном значении ‘ласка’ (*Mustela vulgaris*).³⁹ В словацких говорах это слово также носит единственное значение ‘ласка, горностай’.⁴⁰ «Етимологічний словник української мови» (далее – ЕСУМ) содержит эту лексему в значении ‘*Mustela nivalis* L.’.⁴¹ Авторы ЕСУМ возводят название хищника к прилагательному **lasъ* ‘блестящий, с белыми пятнами’ из-за окраса зверька и к табуированному слову ‘ласка, любовь’, цитируя «Этимологический словарь славянских языков» (далее – ЭССЯ). В ЭССЯ о слове **lasica* указано, что оно “образовано в результате вторичного суффиксального переразложения формы **laska* (I, II)”.⁴² Здесь возникает искушение соотнести также значения диалектных *ласиця* и *ласка* в карпатском и общеславянском языковых ареалах, но мы не станем этого делать, так как это в том числе может нас привести к ложной этимологии. Вслед за О. Н. Трубачевым мы будем придерживаться постулата о том, что “словообразовательное производное сохраняет основу в ее семантически более древнем, как бы производящем состоянии, давно оставленном самой производящей основой”.⁴³ Авторы ЭССЯ указывают, что мотивация

³⁵ Меркулова, В. А.: Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). Москва: Наука, 1967, с. 98.

³⁶ Толстой, Н. И. (ред.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь, т. 1, с. d., с. 411.

³⁷ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

³⁸ Дзендзельський, Й. О.: Лінгвістичний атлас українських говорів, т. II, с. d., к. 126.

³⁹ Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. Москва: Наука, 1988. К9.

⁴⁰ Slovník slovenských nářečí. II. L – P (povychádzat'). Bratislava: VEDA, 2005, s. 32.

⁴¹ Етимологічний словник української мови. В 7 тт. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1989, с. 196.

⁴² Трубачев, О. Н. (ред.): Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 14. Москва: Наука, 1987, с. 35.

⁴³ Трубачев, О. Н.: Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. Москва: Языки славянской культуры, 2004, с. 69.

названия животного его окраской маловероятна и что оно “этимологически тождественно *laska I (нежность, любовь – прим. Д. В.) в том смысле, что последнее употреблено о животном по мотивам табу (задабривание злого животного)”⁴⁴. Н. И. Толстой писал, что “ласке присущи функции домового, охранительницы дома и скота”⁴⁵. Что касается мотивации наименования зверька, то Толстой придерживается иного мнения, чем авторы ЭССЯ: “У ласки и всей этой группы животных отчетливо выявляется любовно-брачная и эротическая символика... Образы кунных и других пушных зверей используются в лексике и фразеологии для передачи различных психических свойств, причем подобные характеристики часто основаны на ассонансах и рифме (ласковость ласки...)”⁴⁶. Второе значение субстантива *ласиця* – ‘часть воза’ – записано только в селах Скотарьске и Верхні Ворота (LDP).⁴⁷ Вполне вероятно, что имеется в виду *lavčica* – “šárka; břevno dosedající na nápravník, na němž se otáčí oplén”.⁴⁸ В таком случае мы имеем дело с диалектной фонетической ассимиляцией, а значит, *ласиця*₁ и *ласиця*₂ – гетерогенные омонимы.

Мынька

В закарпатских говорах существительное *мынька* записано в варианте *мын’ка дика* в значении ‘белка’ (*Sciurus vulgaris* L.) в населенных пунктах Розтока, Буковець, Пашківці, Жденієво, Верхня Грабівниця, Воловець (здесь параллельно с вариантом *біліця*).⁴⁹ В словацких диалектах оно означает ‘кошка’ в варианте *minka* с пометой “экспр.”⁵⁰. В снинских южнокарпатских говорах зафиксировано значение ‘цветущие ветки ивы’⁵¹. Латта приводит диалектизм *ты́нк(ы)* в значении ‘цветущие почки на ветке вербы’ в Дуброве и Пчолином.⁵² В том же атласе ученый приводит лексему *miňka* в значении ‘кошка (дет.)’.⁵³ В говоре села Торунь на Закарпатье слово записано в значении ‘ласка’⁵⁴ (*Mustela nivalis* L.), в селе Сокирниця – ‘кошка’⁵⁵ (дет.). В LDP⁵⁶ слово записано в следующих значениях: ‘сережка дерева’ (Вільхівка -и-, Pichne -ы-) (ср.: “Тыж потім пізнають прихід яри, як де там уже видно розвиту мыньки” (Pichne)), -ы ‘прутья ивы, которые освящают в Вербную неделю’ (Ruský Hrabovec). В ЕСУМе приведено единственное значение ‘сережка на дереве’⁵⁷. Составное название белки *мынька дика* мы не будем рассматривать в структуре диалектного полисеманта, но этот пример хорошо иллюстрирует приведенное выше утверждение Н. И. Толстого об объединении в языковой картине мира носителей говора нескольких небольших пушных (или, вернее, пушистых) животных в соответствии с их внешними характеристиками (длинный хвост, пушистый мех, способность хорошо лазать по деревьям). Собственно субстантив *мынька*, записанный в значениях ‘кошка’ и ‘ласка’, объединяет

⁴⁴ Трубаев, О. Н. (ред.): Этимологический словарь славянских языков, вып. 14, с. d., с. 37.

⁴⁵ Толстой, Н. И. (ред.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь, т. 3. Москва: Международные отношения, 2004, с. 83.

⁴⁶ Толстой, Н. И. (ред.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь, т. 3, с. d., с. 84.

⁴⁷ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

⁴⁸ Vašíček, M.: Názvy částí vozu a koňského zápřahu v nářečích Rusínů východního Slovenska, с. d., s. 101.

⁴⁹ Дзендзелівський, Й. О.: Лінгвістичний атлас українських говорів, с. d., т. II, к. 126.

⁵⁰ Slovník slovenských nářečí. II díl. Bratislava: VEDA, 2005, s. 166.

⁵¹ Habovštiak, A.: Atlas slovenského jazyka. IV. Lexika. Časť prvá. Mapy. Bratislava: Veda, 1984, s. 68.

⁵² Латта, В.: Атлас українських говорів Східної Словаччини, с. d., с. 480 (НМ 105).

⁵³ Латта, В.: Атлас українських говорів Східної Словаччини, с. d., с. 499 (НМ 474).

⁵⁴ Николаев, С. Л. – Толстая, М. Н.: Словарь карпатоукраинского торуньского говора, с. d., с. 127.

⁵⁵ Сабадош, І. В.: Словник закарпатської говірки села Сокирниця, с. d., с. 172.

⁵⁶ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

⁵⁷ Етимологічний словник української мови, т. 3, с. d., с. 469.

в себе к тому же двух небольших хищных животных, традиционно связанных в народном сознании не только с женским началом, но и наделенное магическими способностями. Кроме того, Толстой указывает на то, что “кошке присущи черты домашнего покровителя, сближающие ее с лаской”.⁵⁸ Перенесение названия кошки или котенка на цветущие почки ивы характерно для многих славянских языков;⁵⁹ перенесение это обусловлено формой тела сидящей кошки, а также видом ее шерсти. Эта метафора закономерно распространилась также и на диалектные названия кошки. В семантической структуре южнокарпатского диалектизма *мынька* значения ‘кошка’ и ‘ласка’ объединены качественным признаком “небольшой пушистый зверек”, значения ‘кошка’ и ‘цветущая почка ивы’ – качественным признаком “пушистый мех”, значения ‘цветущая почка ивы’ и ‘прутья ивы, которые освящают в Вербную неделю’, – метонимическими отношениями части и целого. Диалектизм *мынька* – полисемант со смешанной семантической структурой.

Псик

В южнокарпатских говорах слово *псик* и его словообразовательный вариант *псюк* имеют следующие значения: 1. ‘молодая собака’ (в словообразовательном варианте *псюк* в Сокирнице)⁶⁰ В. Ворота, Стройне, Нижні Ремети;⁶¹ 2. ‘щенок’ -ю- (Свалява, Копаня, Лавки, Перечин, Веряця);⁶² 3. ‘часть саней, к которой привязывают коня’ (Čertižné), ‘конец оглобель, крепящийся к саням’. Название части саней вероятно, обусловлено, их формой, напоминающей собаку, поднявшую голову. В атласе З. Ганудель этот субстантив записан в значении частей ткацкого станка: ‘притужальник’ в пунктах Cernina, Nižný Orlík, Nižná Pisaná, Havaj, Makovce, Miková, Kalinov⁶³ и ‘навой’ в пунктах Ladomirová, Vagrines, Bukovce, Suchá, Rovné, Mlynárovce, Beňadikovce, Valkovce, Zbojné, Kružľová, Dobroslava, Hunkovce, Nižná Pisaná, Cernina, Vápeník.⁶⁴ В словацких говорах это полисемант со следующими значениями: 1. ‘небольшой пес’; ‘щенок’; 2. ‘черноголовая гаичка’ (*Parus palustris* L.). 3. в составных названиях животных; 4. ‘часть прялки, рычаг, передающий движение педали на колесо’; 5. ‘тип прялки’; 6. ‘вес на ткацком станке’; 7. ‘железный обруч в конструкции воза’; 8. ‘часть плуга, регулирующая глубину вспашки’; 9. ‘узкий металлический пояс на конце оглобли’.⁶⁵ Если рассматривать значения лексемы *псик* независимо в макросистеме южнокарпатских говоров, то мотивации названий для деталей ткацкого станка неясны. Однако если принять во внимание значения – и притом более разнообразные – в словацких говорах, то можно установить, что так называется вспомогательная деталь некоего орудия или инструмента; деталь, которая помогает управлять этим инструментом или обеспечивает удобство при его использовании. На основании этих наблюдений можно предположить, что вспомогательные детали и устройства названы по традиционной функции собаки как животного-помощника вследствие метафорического переноса “помощник – собака”. В южнокарпатских говорах *псик* – полисемант с двумя интегральными признаками – качественным (“форма”) и функциональным (“помощник”) “пес, собака”.

⁵⁸ Толстой, Н. И. (ред.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь, т. 3, с. d., с. 638.

⁵⁹ Трубаев, О. Н. (ред.): Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 11. Москва: Наука, 1984, с. 203.

⁶⁰ Сабадош, І. В.: Словник закарпатської говірки села Сокирниця, с. d., с. 297.

⁶¹ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

⁶² Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, с. d.

⁶³ Hanudel'ová, Z.: Lingvistický atlas ukrajinských nářečí východného Slovenska, с. d., d. II, m. 48.

⁶⁴ Hanudel'ová, Z.: Lingvistický atlas ukrajinských nářečí východného Slovenska, с. d., d. II, m. 49.

⁶⁵ Slovník slovenských nářečí. III. P (poza) – R. Bratislava: VEDA, 2021, s. 432.

Рысь

В южнокарпатских говорах основным значением является ‘рысь’ (Lynx lynx L.). (В ЛБП: *рысь* – Луг, Ясіня, Кваси, *рысь* – Свалява, Вучкове, Перечин, Чумальово, Люта, Луг). (Ср.: “Коли вовчиця має девять, то дев’яте рысь.”)⁶⁶ В Торуне записано в единственном значении ‘рысь’.⁶⁷ Фасмер возводит название хищника к *ryś* ‘рыжеватый’; так же он допускает происхождение из **lūs* с вторичным *r* под влиянием **ryś* ‘рыжий, пятнистый’⁶⁸. Махек предполагает происхождение славянского *рысь* через литовское *lūšis* от и.-е. корня **leuk-* и предполагает табуистическое обоснование замены корневого.⁶⁹ В материалах словаря Чопея записано в выражении “за рысь робити”,⁷⁰ что восходит к мад. *rész* ‘часть’.⁷¹ В словацких диалектах субстантив ‘часть урожая как награда за выполнение сезонных полевых работ’ записан в фонетических вариантах *rés*.⁷² Таким образом, в южнокарпатских говорах *рысь*₁ и *рысь*₂ – гетерогенные омонимы.

На сегодняшний день, когда в науке все большее значение приобретают междисциплинарные исследования, анализ мотивации многозначных и омонимичных диалектных слов может внести вклад не только в развитие лексикологии, но и смежных направлений – этнолингвистики, этнографии и этимологии. Комплексный подход к диалектным материалам поможет не только сделать новые предположения об их возникновении, но и скорректировать уже существующие гипотезы. Как замечает С. А. Мызников, «однако следует подчеркнуть, что задача толковой лексикографии состоит в репрезентации и во введении в научный оборот собранных словарных материалов, а не в их этимологическом прочтении».⁷³ Тем не менее, именно совмещенные результаты этимологического, мотивационного, лингвогеографического и когнитивного методов обработки диалектного материала позволяют грамотно представить его в словарях.

„Коли вовчиця має девять, то дев’яте рысь...”

Polysémní a homonymní názvy šelem v jihokarpatských nářečích

Darja Vašíčková

In the article, a part of dialect lexicon of Southern Carpathian dialects belonging to the semantic field “predators” is analyzed. All dialect nouns examined in the article refer to the cases of ambiguity and homonymy. We investigate the motivational connection between the individual meanings of ambiguous lexemes and create models of the semantic structures of these lexemes. There are not many ambiguous names of predators in Southern Carpathian dialects, but they form branched and complex systems of individual meanings and their connections. Among them, we define ambiguous words with semantic structures formed with a dominant structure-forming feature (e.g. *бай*), with several integral features (e.g. *псук*) and a mixed type as well (e.g. *мынька*). It was found out that the most common feature connecting individual meanings of ambiguous words with a meaning “predator” is a qualitative one. The heterogeneous homonyms were also identified among the Southern Carpathian dialect names of predators.

⁶⁶ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, c. d.

⁶⁷ Николаев, С. Л. – Толстая, М. Н.: Словарь карпатоукраинского торуньского говора, с. д., с. 162.

⁶⁸ Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1987. Т. 3, с. 530.

⁶⁹ Machek V.: Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1997, s. 527.

⁷⁰ Šišková, R. – Vašíček, M. a kol.: Lexikální databáze jihokarpatských nářečí z materiálů I. Paňkevyče, c. d.

⁷¹ Гальди, Л. (ред.): Венгерско-русский словарь, с. д., с. 641.

⁷² Slovník slovenských nářečí. III. Р (poza) – R, с. д., s. 578.

⁷³ Мызников, С. А.: Верификация данных в диалектных лексикографических источниках, с. д., с. 77.